

УДК 821.161.109

И.В.Львова

**Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ В ВОСПРИЯТИИ ПОКОЛЕНИЯ БИТ.
(К ПРОБЛЕМЕ РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ В США)**

The paper deals with the reception of Dostoevsky's works by the Beat generation and with the assertion that the writers of the Beat generation accepted Dostoevsky as a boundary writer. It is also shown in the paper that way the Beat generation created their own myth about the writer.

Творчество Ф.М.Достоевского принадлежит мировой культуре в такой же мере, как и русской, давно перешагнув рамки национальные и временные. В течение всего двадцатого столетия Достоевский воспринимался как современник, его духовное присутствие в мировой культуре и литературе этого века стало неоспоримым фактом. В США Достоевский —

самый читаемый и изучаемый русский писатель, представляющий не только русскую словесность, но и русскую культуру в целом.

Изучение рецепции творчества Достоевского в США имеет богатую традицию. Им занимались видные отечественные литературоведы: А.Н.Николюкин, Ю.И.Сохряков, Б.И.Бурсов, Я.Н.Засурский, В.А.Костяков, М.Мендельсон, Т.Л.Мотылева, И.Т.Мишин [1]. Однако их внимание было сосредоточено в основном на проблеме влияния Достоевского на творчество американских писателей XIX — первой трети XX века. Проблема рецепции творчества Достоевского писателями поколения Бит не исследовалась ни отечественным, ни американским литературоведением.

Пик интереса к творчеству Достоевского в США в XX в. пришелся на 1940 — 1960-е гг. Этот период весьма значим и для развития американской литературы: произошла не только смена поколений писателей, но и изменился сам вектор развития литературного процесса. Одной из уникальных особенностей американской культуры этого периода, нашедшей отражение и в литературе, является возникновение молодежной контркультуры. В пятидесятые годы она была представлена движением Бит. Неоднородное и противоречивое, оно оказало значительное воздействие на развитие искусства и литературы в США: в музыке — это бибоп джаз М.Дейвиса и Ч.Паркера, в театре — свободный театр Просцениум (Proscenium free theater) Дж.Бека и Дж.Малины, в живописи — абстрактная живопись Дж.Поллока и художников нью-йоркской школы; сказалось оно и на кинематографе. Литература поколения Бит представлена именами прозаиков Дж.Керуака, Дж.К.Холмса, У.Берроуза и поэтов А.Гинзберга, К.Рексрота, Л.Ферлингетти, Г.Корсо.

Достоевский не только оказал значительное влияние на литературу поколения Бит, но и стал своеобразным культовым писателем этого поколения. Каковы предпосылки возникновения интереса к его творчеству? В чем особенности восприятия творчества Достоевского поколением Бит? Эти вопросы, оставшиеся, к сожалению, вне поля зрения сравнительных исследований, представляют существенный интерес в разрешении более общей проблемы — как воспринимается и функционирует русская литература за рубежом.

Очевидно, должны были сложиться определенные предпосылки, чтобы две культуры, русская и американская, услышали друг друга и ощутили свою близость, чтобы сформировалось так называемое «встречное течение» в культуре. Такие предпосылки возникли в середине сороковых годов. Как и в период «культы Достоевского» десятилетия-двадцатых годов в Европе, интерес к его творчеству в США обусловлен комплексом причин, но главным образом, изменением политического климата, а именно, сближением США и СССР в годы войны.

Интерес к Достоевскому возник, во-первых, на волне интереса ко всему русскому. Для молодых людей поколения Бит Россия была привлекательна своей антибуржуазностью, иным общественным укладом и духовным складом людей, «русскостью», которая представлялась противоположной национальному складу американцев, «американизму». Движение Бит воспринималось в обществе как антиамериканское. Даже существительное «битник» обрело русский суффикс (по аналогии со «спутником»). При этом русское и русские зачастую виделись через призму романов Достоевского, ассоциировались с его героями.

Во-вторых, сама общественная ситуация, вызывавшая ощущение углубляющегося кризиса европейской культуры и цивилизации, не могли не восприниматься молодыми людьми как ситуация, сходная с эпохой Достоевского. Уже в первой статье, посвященной поколению Бит, написанной Дж.Холмсом, писателем, эссеистом, близким другом Керуака, появляется имя Достоевского. Холмс сравнивает молодое поколение в России конца XIX в. и послевоенное поколение молодых американцев. Он находит у них общие черты: «Достоевский в 1880-х годах писал, что в России сейчас не говорят ни о чем ином, как о вечных вопросах. С некоторой поправкой на время можно сказать, что нечто подобное происходит в Америке <...> Поколение Бит увлечено отчаянными поисками веры <...> Через тридцать лет поколение, о котором писал Достоевский, стало на чердаках готовить бомбы. Нынешнее поколение, может, и не будет изготавливать бомбы, его скорее всего попросят сбросить их,

однако этот факт надо всегда иметь в виду» [2]. Мир Достоевского был близок поколению Бит тем, что в нем отразился кризисный дух эпохи и кризисное сознание молодого человека, входящего в неустойчивый разрушенный мир

В-третьих, на молодых людей поколения Бит, многие из которых получили университетское образование, значительное воздействие оказала философия экзистенциализма. Именно экзистенциалисты обратились к творчеству русского писателя, настаивая на современности проблем, поставленных Достоевским. Камю писал, что «все герои Достоевского задаются вопросом о смысле жизни. В этом отношении они наши современники...» [3].

Французский экзистенциализм представил Достоевского как провозвестника абсурда (Камю), а понятие абсурда занимало существенное место в миросозерцании поколения Бит. Также значимым для поколения Бит явилось открытие экзистенциализмом подпольного человека в творчестве писателя. Как отмечал американский достоевковед Р.Джексон, «Записки из подполья» — произведение современного сознания. Катастрофа двух мировых войн, концентрационные лагеря, политический конформизм, жесточайшие потрясения в экономике, усиливающееся отчуждение, которое ощущает личность с наступлением массовой культуры, угроза ядерного уничтожения потрясли рациональные основы мира» [4]. Идея подполья была воспринята и переосмыслена молодыми людьми поколения Бит. Они не только создали собственное подполье, но и продолжили в своем творчестве исследование современного «подпольного» сознания, представленного впервые в произведениях Достоевского.

В-четвертых, для миросозерцания поколения Бит важной была мысль о грядущем новом человеке, который придет на смену человеку европейской цивилизации. Эта мысль была воспринята ими через Шпенглера и Гессе, которые, в свою очередь, создали миф о «новом варваре» благодаря чтению Достоевского. Влияние традиции восприятия Достоевского, созданной европейскими писателями в двадцатые годы, было существенно в США сороковых годов. Так, американский исследователь Д.Стайнер в книге «Достоевский или Толстой» делает следующее замечание, навеянное, очевидно, этими представлениями: «Достоевский проник более глубоко в ткань современной мысли.<...> Скиф, которого Воюэ представил европейским читателям, стал пророком и историком нашей жизни. Возможно потому, что варварство намного приблизилось к нам» [5]. Но если Гессе и Стайнера появление нового варвара пугает, поколение Бит приветствует его, связывая с ним надежды на возникновение новой культуры и цивилизации. Так, мечта о новом человеке питает творчество Керуака. Его роман «На дороге» явился частью мифологии о новом человеке, который придет на смену человеку Запада. У Шпенглера Керуак заимствует термин *fellaheen*, который в его романах используется для обозначения «естественного» человека. Поиски феллахского мира ведут герои его романов «На дороге», «Ангелы одиночества». Такими же новыми людьми, безумцами, святыми представлялись Керуаку и герои Достоевского, непохожие на Человека Запада, а Достоевский — пророком, который открыл этот новый рождающийся мир.

Когда мы говорим о формировании «встречного» течения в культуре, способствующего усвоению и пониманию явления иной культуры, нужно учитывать уже сформировавшуюся традицию восприятия. Как известно, история восприятия творчества Достоевского на Западе и в США складывалась так, что «открыт» он был для европейской литературы и культуры в 10-20-е гг. XX в., причем творчество писателя сразу было окружено мифами [6]. Интерес к Достоевскому на Западе и в США формировался под воздействием так называемого «культа Русской Души», который связывался с его именем [7]. Возникновению этого культа способствовали публикации Е.-М.Вогюэ, Д.Мережковского, М.Мэрри. И хотя создание мифов о Достоевском было большей частью европейским явлением, тем не менее оно оказало влияние и на восприятие Достоевского в США, в том числе и в сороковые годы поколением Бит. Представленный западными интеллектуалами как выразитель Русской Души, Достоевский и в послевоенное время остался для молодых американцев оригинальным философом, мистиком, психологом, но экзотическим, чуждым писателем. В этом

смысле показательна переписка Керуака с другом юности Себастьяном Сампасом. В 1943 г. Сампас, размышляя о значении творчества Достоевского, писал Керуаку: «Западный человек высоко ценит Достоевского, но не способен видеть, не может, ввиду отсутствия опыта, понять его мир». Поэтому, рассуждает Сампас, не нужно преувеличивать значение Достоевского: «Западному человеку он не может передать того, чего нет в нем. <...> Все русские — это Достоевский. В нем говорит их душа» [8].

Керуаку, напротив, была близка мысль Гессе о необходимости внимательно вслушиваться в голос России, которая сможет научить своей духовной культуре европейцев [9]. Керуак настаивал в письме к Сампасу: «Достоевский — один из нас». Можно утверждать, что главной тенденцией восприятия Достоевского поколением Бит было преодоление «неусвояемых» сторон творчества Достоевского, приобщение к духу его произведений. Существенно и то, что Достоевский заинтересовал писателей поколения Бит и как художник. Поколение Бит искало своего Достоевского и отчасти создавало свой собственный миф о нем.

Именно духовные поиски привели битников к писателю, чье творчество в западном сознании связывалось с изображением жизни человеческого духа. Как писал Дж.Холмс, «упрямый выбор моего поколения совершался в пользу человека перед обществом, личности перед эго, духа перед психологией» [10]. Ища в творчестве Достоевского духовную опору, молодые люди поколения Бит впервые заинтересовались и православием Достоевского, которое по традиции, идущей от Вогюэ, связывалось в западном сознании с религией страдания и представляло одну из «неусвояемых» сторон его творчества. Так, Керуак Новое Видение в литературе связывает с православным христианством Достоевского. «Послушай... осознаешь ли ты, что новый литературный век начинается в Америке? <...> С пришествием русского Христа Достоевского мы, молодые американцы, обращаемся к новой оценке человека: самой его «позиции», личностной и психической», — пишет он в 1948 г. Нилу Кассади [11].

Поколение Бит — поколение бунтарей, нигилистов. Если следовать за историей нигилизма, представленной Камю в эссе «Бунтующий человек», то именно с появлением героя, изображенного Достоевским, начинается история подлинного нигилизма, в которой битничество представляет еще одно звено [12]. Поколение Бит не могло не ощущать родство с бунтующими героями Достоевского. Роль Достоевского велика для них и потому, что, по словам Камю, он «делает еще один шаг вперед в исследовании мятежного духа» [13]. Если говорить о смысле бунта, принятого поколением Бит, то очевидна его противоречивость. Бунт поколения Бит вобрал в себя крайние тенденции: и к созиданию и к разрушению. По словам Камю, «взбунтовавшийся раб разом говорит и «да» и «нет» [14]. Эта противоречивость бунта нашла отражение и в термине «позитивное отрицание», характеризующем деятельность поколения Бит [15]. Если же использовать терминологию Холмса, то бунтарь поколения Бит — это «хихикающий нигилист» (the giggling nihilist), который «утверждает жизнь в себе единственным способом, который знает, — через крайности» [16]. Достоевский давно имел на Западе репутацию писателя, изображавшего крайности духа. Сам Достоевский неоднократно размышлял об этом. «Что делать: крайности — наша черта», — писал он [17]. Но подобная же «широкость» была характерна и для поколения Бит, вместившего трагизм и буффонаду, безумие и здравомыслие, эскейпизм и стремление к обычному житейскому укладу. Вероятно, тяготение к крайностям есть отчасти признак молодого, незрелого сознания.

В сороковые годы впервые американские литературоведы и писатели обращают внимание на инфантильность героев Достоевского. К.Маккаллере пишет об инфантильности как черте, роднящий героев русской литературы XIX в. и литературы американского Юга. Незрелость героев Достоевского отмечает Р.Блэкмур в эссе о Достоевском [18]. Среди писателей мысль об инфантильности героев Достоевского откровеннее всего высказал поэт и переводчик К.Рексрот в статье «Достоевский: «Братья Карамазовы»: «Потревоженные души романов Достоевского — это не взрослые люди. Они бесконечно рассуждают о том, о чем взрослые предпочитают не говорить. Достоевский — первый писатель, сделавший художе-

ственной добродетелью неисправимую незрелость своего народа» [19]. Эта инфантильность объясняется молодостью русской нации. Однако если молодость русской нации казалась иностранцам недостатком [20], то для поколения Бит молодость русских кажется привлекательной, а психологический склад — близким. Не случайно и они сами, и герои их произведений видятся инфантильными. Непоследовательность и противоречивость бунта поколения Бит свидетельствовали о незрелости самих его участников. Инфантильность битников, а также героев их произведений, с которыми они себя нередко идентифицируют, отмечается многими критиками и исследователями литературы поколения Бит. Так, например, Т.Хант, анализируя роман Керуака «На дороге», отмечает, что конфликт, представленный в романе, — это конфликт подростка с миром взрослых: «Пример Дина — типично американский. Он воплощает конфликт между мечтательным подростком, создающим свой мир, и ограничивающим, но устойчивым социальным миром взрослых» [21]. К.Вопат также подчеркивает инфантильность героев Керуака: «Сэл чувствует себя более комфортабельно в роли капризного ребенка, нежели в роли друга или брата, еще менее отца и мужа. Герои Керуака отправляются в дорогу не для того, чтобы отыскать настоящую жизнь, но чтобы оставить ее позади, и прежде всего — связанную с ней ответственность. Дин появляется каждый раз, чтобы спасти своего друга от взросления» [22]. Но нежелание быть взрослым и нести связанную с этим ответственность характерны и для самих битников [23].

Главной особенностью восприятия Достоевского поколением Бит является то, что он становится для них культовым писателем. Знание (пусть поверхностное) Достоевского означало причастность к своему кругу, понимание друг друга. В этой связи характерным представляется разговор К.Соломона и А.Гинзберга, вошедший в своеобразную мифологию поколения Бит. Молодые люди встретились в 1950 г. в коридоре Нью-Йоркского государственного психиатрического института, где оба они были пациентами. ««Кто ты?» — спросил Карл Соломон требовательно. «Я Мышкин», — ответил Аллен. Карл представился как Кириллов» [24]. Сопоставление себя с героями Достоевского было весьма типичным для молодых битников. Холмс вспоминает, что они сочиняли целые диалоги за героев Достоевского, идентифицируя себя с ними. Не случайно возникает и такое выражение как *Dostoevskyan brother*, указывавшее на мужское братство, к которому принадлежали эти молодые люди.

Культовая фигура — это не только объект для поклонения. Для поколения Бит, стремившегося приблизить искусство к жизни, превратить его в жизнь, Достоевский становится героем и участником их жизни, а его мир порой упрощается до узнаваемого знака. Он получает американизированное имя Дости, которое многократно обыгрывается: от *Достиофески* в книге Керуака «На дороге» до *Доестовски* из письма к Нилу Кассади, где дается словесная игра с именем: *I say, dig doestovsky, die-for-doestovsky, dip-in-doestovsky, deal-for-dusty, love-dusty, holy-dusty, dusty-what's-his name, dusty-dooty, dusty-rusty, dust of my dust and dust of your dust an dust of all dust* [25], где в результате имя Достоевского ассоциируется с высказыванием «прах еси» (буквально пыль). Подобная же словесная ассоциация повторена исследователем творчества Достоевского Джимом Райсом, где имя Достоевского напоминает автору чихание от пыли [26]. Эта игра по характеру тесно примыкает к традиции пародирования тем, мотивов, образов Достоевского, которая станет важной для американской послевоенной литературы [27]. Все это является следствием одной из особенностей культуры Бит — ее карнавального характера.

Слово «Достоевский» получает дополнительные коннотации, становится распространенным определением. Появляется выражение: *pinched Dostoevskyan face* (с лицом, как у Достоевского) [28], *Dostoevskian midnight subway* (полуночная подземка, как у Достоевского) *Dostoevskian absolution* (отказываю ему в отпущении грехов в духе Достоевского) [29]. Достоевский ассоциируется с темным мрачным миром подполья, нищеты, душевного расстройства — миром маргинальным, опасным и привлекательным. Он находится за границами комфортабельно обустроенного мира среднего класса, к которому принадлежали молодые битники, но, казалось, и в большей близости к взыскуемой ими истине и правде, чем мир их родителей.

Таким образом, мы видим, что существовала целая система предпосылок, объяснявшая готовность молодого поколения Бит воспринять Достоевского как своего писателя. Проблематика произведений Достоевского, его герои, их поиски, их беспокойный дух были необычайно близки молодым бунтарям. Они восприняли существовавший миф о Достоевском и способствовали созданию собственного, превратившего Достоевского в культовую фигуру.

Писатели Бит, такие, как Дж.Керуак, Дж.Холмс, открыли Достоевского-художника. Они испытывали влияние русского писателя на их собственное творчество. Благодаря Достоевскому в их романах о поколении Бит появляется новый герой, бунтарь и нигилист, новые темы — тема подполья, тема города. Для Керуака, создававшего экспериментальный роман, значимо было не только содержание романов Достоевского, но и исповедальная форма его произведений («Записки из подполья», «Подросток»), за которой, по его мнению, было будущее американской литературы. Исповедальная интонация, монологи, саморазоблачения, характерные для героев Достоевского и связывающиеся в сознании американцев с Достоевским, в высшей степени свойственны и героям литературы Бит.

Таким образом, поколение Бит сделало значительный шаг к тому, чтобы приблизить творчество Достоевского к американцам, вписать его в американскую культурную традицию. Достоевский оказался их союзником как в духовных поисках, так и чисто литературных исканиях.

1. Мендельсон М. Современный американский роман. М., 1964; Бурсов Б.И. Достоевский и модернизм // Современные проблемы реализма и модернизма. М., 1965. С.469-506; Засурский Я.Н. Американская литература XX века: некоторые аспекты литературного процесса. М., 1966; Мишин И.Т. Достоевский и зарубежные писатели (Основные проблемы творчества, традиции и новаторство). Ростов-на-Дону, 1974; Сохряков Ю.И. Русская классика в литературном процессе США первой трети XX века. М., 1982; Николокин А.Н. Взаимосвязи литератур России и США. Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М., 1987; Костяков В.А. Американский роман середины XX в.: Концептуальность жанра. Саратов, 1988.
2. Holmes J.C. This Is The Beat Generation. Цит. по: Holmes J.C. Passionate Opinions. Arkansas, 1998. P.64.
3. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С.81.
4. Jackson R. Dostoevsky's Underground Man in Russian literature. The Hague, 1958. P.14.
5. Steiner G. Tolstoy or Dosotevsky. Yale University Press, 1996. P.346-347.
6. См.: Davenport M.A. The Vogue of F.Dostoevsky in England and the United States. The University of Oregon, 1923; Muchnic H. Dostoevsky's English reputation (1881 — 1936). Northampton, 1939; Brewster D. East-West Passage: A Study of Literary Relationships. L., 1954.
7. См.: Brewster D. Op.cit. P.161.
8. Kerouac J. Selected Letters (1940 — 1956). N.Y., 1995. P.67.
9. Гессе Г. «Подросток» // Письма по кругу. М., 1987. С.64.
10. Holmes J.C. Passionate Opinions. Arkansas, 1998. P.93.
11. Kerouac J. Op.cit. P.167.
12. Камю А. Указ. соч. С.162.
13. Там же. С.160.
14. Там же. С.127.
15. См.: Sterritt D. Mad to be saved. The Beats, the 50's and Film. P.4.
16. Holmes J. C. This Is The Beat Generation. P.61.
17. Достоевский Ф.М. Маленькие картинки // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т.21. С.160.
18. Blackmur R. P. Eleven Essays in the European Novel. N.Y., 1964. P.232-233.
19. Rexroth K. Classics Revisited. N.Y., 1986. P.184-185. (Первое издание — 1965).
20. Де Кюстин писал: «Вся Россия, нация-дитя, — не что иное, как огромный коллеж; здешняя жизнь напоминает военное училище, с той лишь разницей, что учеба длится до самой смерти» (Де Кюстин А. Россия в 1839 году. М., 2000. Т.2, С.193) Об этом же пишет Камю, совершая экскурс в историю русского нигилизма: «В этой юной стране, лишенной философских традиций, совсем еще молодые люди... усвоили немецкую идеологию и стали кровавым воплощением ее выводов» (Камю А. Указ. соч. С.233).
21. Hunt T.A. On the Road: an Adventurous American Education // Jack Kerouac. On the Road. N. Y., 1979. P.480.
22. Vopat C.G. Jack Kerouac's On the Road: a Re-evaluation // Ibid. P.442-433.
23. Johnson J.P. Minor Characters. Boston, 1983. P.261.
24. Ibid. P.76.
25. Kerouac J. Op. cit. P.262.

26. Rice J. Dostoevsky and the Healing Art: an Essay in Literary and Medical History. Ann Arbor, Ardis, 1985. P.XIV.
27. См., напр.: Рот Ф. Случай Портного; Ирвин Д. Мир по Гарпу и др.
28. Kerouac J. The Origins of the Beat generation // Kerouac Jack. On the Road. N.Y., 1979. P.363
29. Johnson J. Op. cit. P.50,143.